

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Мария Некрасова

Призрак из заброшки

Проклятое место

Следы в темноте

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

90

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Некрасова, Мария Евгеньевна.

Н48 Большая книга ужасов 90. Призрак из заброшки;
Проклятое место; Следы в темноте / Мария Некрасова. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-04-159477-0

Призраки, ведьмы, монстры. Они живут рядом с нами, но большинство людей об их существовании не догадывается. Некоторым везёт – и они спокойно проживают свою человеческую жизнь, веря в законы физики и здравого смысла. Некоторым – нет.

Героям этой книги не повезло тоже. Они оказываются в нехороших, опасных, проклятых местах, где встречаются с невероятным, с нормальной точки зрения, злом. И это зло голодно... Для читателей от 14 лет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

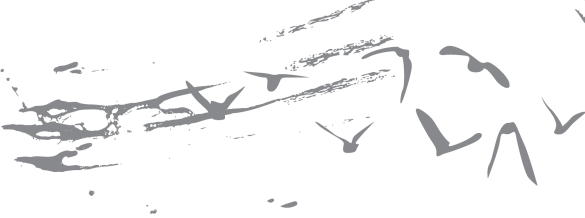
© Некрасова М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-159477-0

Призрак из заброшки

Глава I

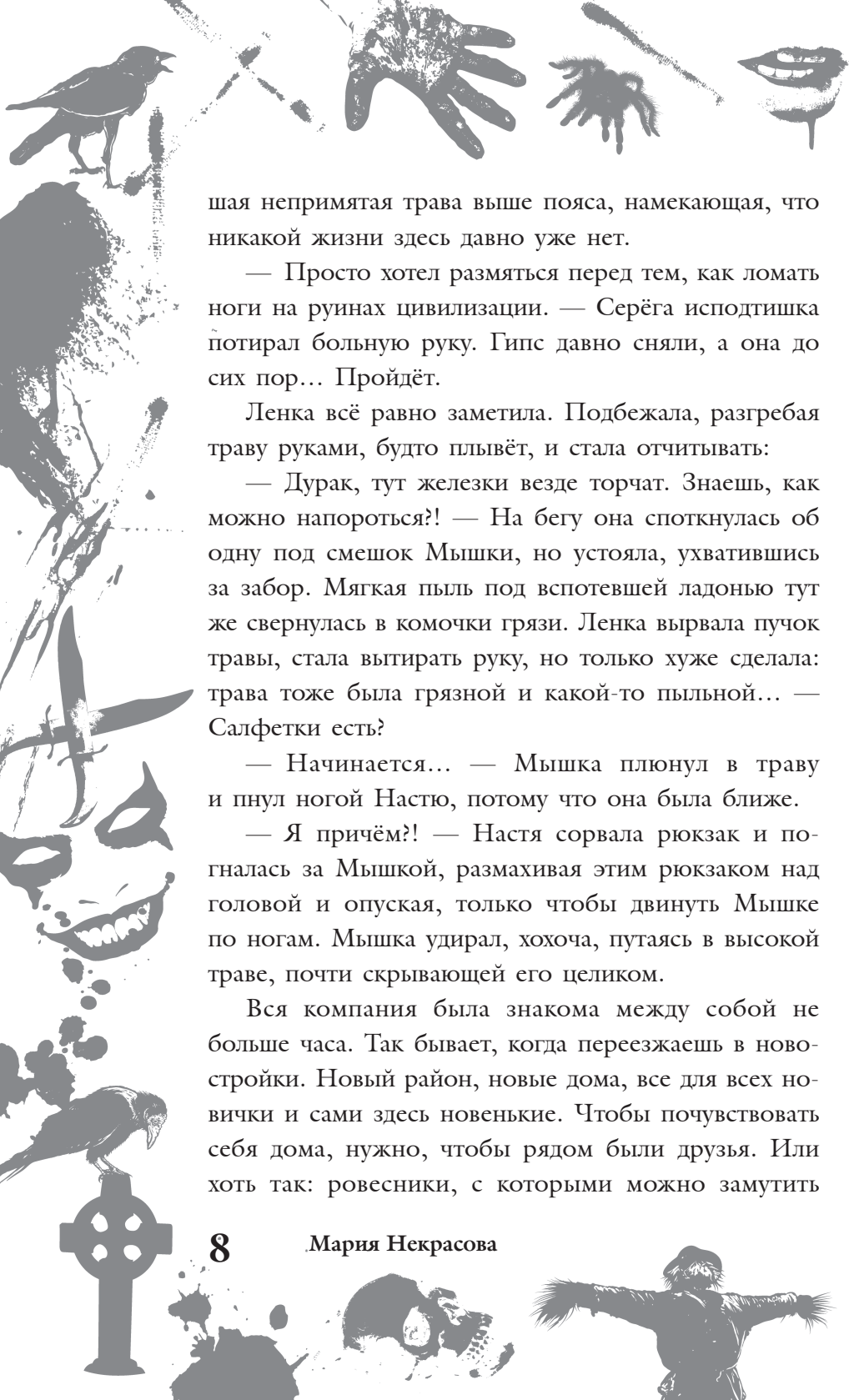
В бетонном заборе с толстым слоем городской пыли была такая пробоина, что можно было пройти насквозь не нагибаясь. Конечно, Серёга её проигнорировал и полез через забор. Разбежался с пяти шагов, поставил ногу на бетонную плиту, похожую на коробку из-под яиц из-за этих своих выпуклых ячеек. Перемахнул через забор и шумно плюхнулся на ноги по ту сторону.

— Цирк приехал, — оценил Ваня. — Трепещи, заброшка, сейчас акробат не оставит камня на камне!

Он уже стоял на территории вместе с остальными (что он, дурак, лезть через забор там, где можно спокойно пройти?) и рассматривал руины.

Низкие корпуса красного кирпича уходили далеко, насколько хватало глаз. Как будто целый город, только необитаемый. Тут и там в небо тянулись трубы всех форм и размеров, от тоненьких ржавых до здоровенных, таких толстых, что вся компания проскочила бы со свистом, как Алиса в кроличью нору. На крышах низких корпусов — зелёный мох бесконечным ковром. Будто кто-то специально замаскировал, чтобы не было видно с вертолёта. Тут и там валялась арматура, битый кирпич, огромная ржавая коробка, возможно — бывший станок. И пожелтев-

шая непримятая трава выше пояса, намекающая, что никакой жизни здесь давно уже нет.

— Просто хотел размяться перед тем, как ломать ноги на руинах цивилизации. — Серёга исподтишка потирал больную руку. Гипс давно сняли, а она до сих пор... Пройдёт.

Ленка всё равно заметила. Подбежала, разгребая траву руками, будто плывёт, и стала отчитывать:

— Дурак, тут железки везде торчат. Знаешь, как можно напороться?! — На бегу она споткнулась об одну под смехок Мышки, но устояла, ухватившись за забор. Мягкая пыль под вспотевшей ладонью тут же свернулась в комочки грязи. Ленка вырвала пучок травы, стала вытирать руку, но только хуже сделала: трава тоже была грязной и какой-то пыльной... — Салфетки есть?

— Начинается... — Мышка плюнул в траву и пнул ногой Настю, потому что она была ближе.

— Я причём?! — Настя сорвала рюкзак и погналась за Мышкой, размахивая этим рюкзаком над головой и опуская, только чтобы двинуть Мышке по ногам. Мышка удирает, хохоча, путаясь в высокой траве, почти скрывающей его целиком.

Вся компания была знакома между собой не больше часа. Так бывает, когда переезжаешь в новостройки. Новый район, новые дома, все для всех новички и сами здесь новенькие. Чтобы почувствовать себя дома, нужно, чтобы рядом были друзья. Или хоть так: ровесники, с которыми можно замутить

что-нибудь весёлое, например, полазить по во-он той загадочной заброшке.

Идея была Мышкина, но поддержали её сразу все, Мышка не ожидал такого энтузиазма. Даже девчонки не испугались, наоборот: одна побежала за фотоаппаратом («Только дождитесь меня!»), другая принялась рассказывать, что заброшка эта — кондитерская фабрика, закрытая двадцать лет назад, что про неё в Сети куча страшилок, одна другой глупее... Вот откуда знает, а?

Мышка пробежал шагов десять, пока заметил, что больше за ним никто не гонится. Сперва увидел, как лыбится Ваня, глядя на него, а уж потом обернулся.

Настя стояла неподалёку, держа в опущенной руке оружие-рюкзак, и сосредоточенно разглядывала что-то на земле. Там, где своих ног-то из-за травы не видно. Мышка даже обиделся на секунду.

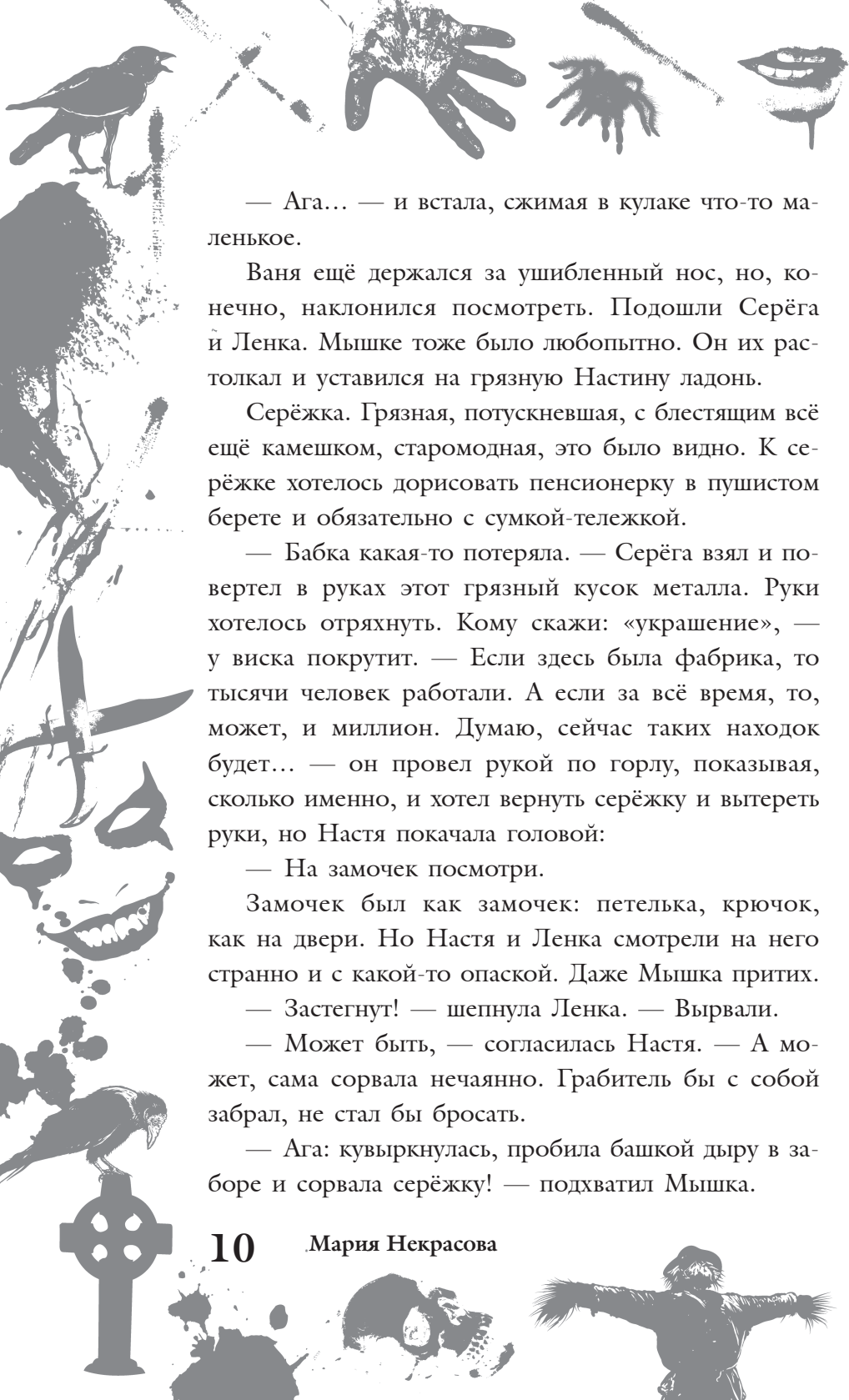
— Я тут вообще-то! Очки протри!

— Да погоди ты! — Настя присела на корточки, так, что было видать только её макушку со смешно торчащими в разные стороны кудрями-антеннами, и зашарила руками по земле. Вот это было уже обидно. Мышка завопил:

— Кла-ад! — подбежал и дёрнул её за шиворот, чтобы села совсем.

Она села, едва не кувыркнувшись спиной вперёд. Над травой взметнулся её кулак, уже испачканный в земле, зацепил по носу Ваню, подошедшего посмотреть, что там. Ваня коротко взвыл и отпрянул. А Настя только буркнула:

— Ага... — и встала, сжимая в кулаке что-то маленькое.

Ваня ещё держался за ушибленный нос, но, конечно, наклонился посмотреть. Подошли Серёга и Ленка. Мышке тоже было любопытно. Он их растолкал и уставился на грязную Настину ладонь.

Серёжка. Грязная, потускневшая, с блестящим всё ещё камешком, старомодная, это было видно. К серёжке хотелось дорисовать пенсионерку в пушистом берете и обязательно с сумкой-тележкой.

— Бабка какая-то потеряла. — Серёга взял и повертел в руках этот грязный кусок металла. Руки хотелось отряхнуть. Кому скажи: «украшение», — у виска покрутит. — Если здесь была фабрика, то тысячи человек работали. А если за всё время, то, может, и миллион. Думаю, сейчас таких находок будет... — он провел рукой по горлу, показывая, сколько именно, и хотел вернуть серёжку и вытереть руки, но Настя покачала головой:

— На замочек посмотри.

Замочек был как замочек: петелька, крючок, как на двери. Но Настя и Ленка смотрели на него странно и с какой-то опаской. Даже Мышка притих.

— Застегнут! — шепнула Ленка. — Вырвали.

— Может быть, — согласилась Настя. — А может, сама сорвала нечаянно. Грабитель бы с собой забрал, не стал бы бросать.

— Ага: кувыркнулась, пробила башкой дыру в заборе и сорвала серёжку! — подхватил Мышка.

— Да какая теперь разница, небось, сто лет прошло! Любите вы, девчонки выдумывать страшилки, сами себя пугать! — Ваня лукавил: заброшка его пугала. Огромная, как целый город, жутковатая даже издалека. Один бы он сюда в жизни не пошёл.

— В любом случае, у тебя ещё будет куча возможностей пофантазировать и побояться. Пойдёмте уже!

Настя кивнула, сунула серёжку в карман, и ребята пошли в сторону корпусов. Земли было толком не видать под этими зарослями, но мелкий мусор, какого обычно полно на таких заброшках, под ноги не попадался. Нет, арматуры, битого кирпича и всякого строительного хватало. А вот обычных человеческих следов: пластиковых бутылок, даже окурков, на земле не было. Ваня первый это заметил:

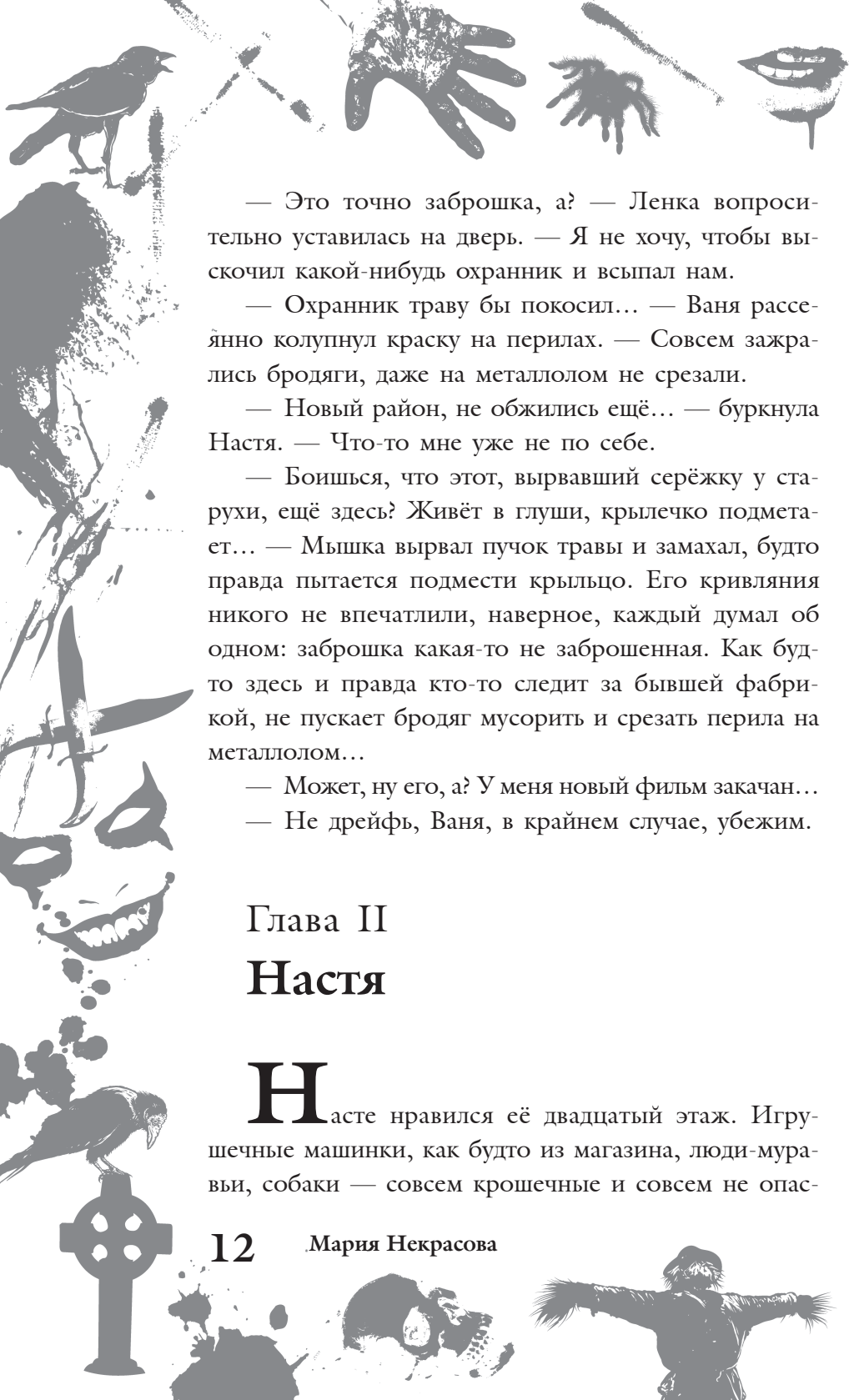
— Давненько здесь не ступала нога человека.

— Они прячутся в норы! — хихикнул Мышка.

— Как ты, что ли? Да ну! Просто нелюбопытный нынче народ пошёл. Все в телефонах своих сидят, нос поднять лентяят! — последнее он прошептал старушечьим голосом.

Впереди был низкий одноэтажный корпус. Покоцанная старая стена без единой надписи, почти целая деревянная дверь. Даже крыльцо какое-то чистое, словно выметено, не вчера, но недавно. Металлические перила целы, не погнуты. Дверная ручка блестит, отполированная тысячами рук, и табличка на двери «Учебные классы».

— Это точно заброшка, а? — Ленка вопросительно уставилась на дверь. — Я не хочу, чтобы выскочил какой-нибудь охранник и всыпал нам.

— Охранник траву бы покосил... — Ваня рассеянно колупнул краску на перилах. — Совсем зажрались бродяги, даже на металлолом не срезали.

— Новый район, не обжились ещё... — буркнула Настя. — Что-то мне уже не по себе.

— Боишься, что этот, вырвавший серёжку у старухи, ещё здесь? Живёт в глуши, крылечко подметает... — Мышка вырвал пучок травы и замахал, будто правда пытается подмести крыльцо. Его кривляния никого не впечатлили, наверное, каждый думал об одном: заброшка какая-то не заброшенная. Как будто здесь и правда кто-то следит за бывшей фабрикой, не пускает бродяг мусорить и срезать перила на металлолом...

— Может, ну его, а? У меня новый фильм закачан...

— Не дрейфь, Ваня, в крайнем случае, убежим.

Глава II

Настя

Насте нравился её двадцатый этаж. Игрушечные машинки, как будто из магазина, люди-муравьи, собаки — совсем крошечные и совсем не опас-

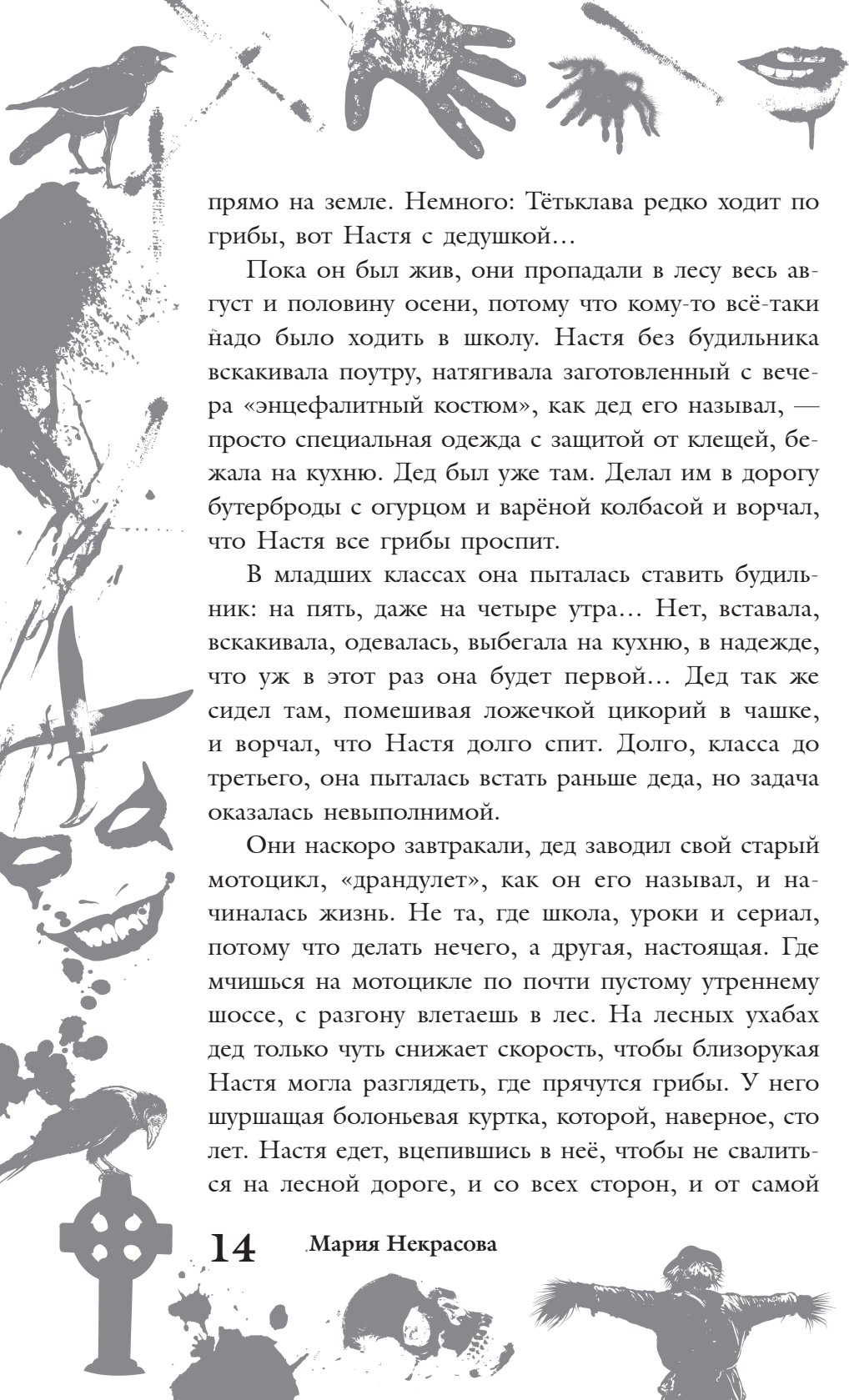

ные. И дома. Дома нормального человеческого размера. Если смотреть с балкона двадцатого этажа, они не нависали над ней угрюмыми, серыми, будто могильные плиты, камнями, нет. Они были почти нормальные, почти такие, как положено домам: чтобы окна на уровне глаз и крышу видно. Если смотреть прямо, далеко-далеко, где ниточка шоссе пересекает железнодорожный переезд с игрушечными поездами и совсем не видимыми людьми и собаками, уходит в щетину леса и пропадает там...

Насте кажется, что если взять мамины очки, «дальнобойные», как она их называет, то за лесом, ещё чуть дальше по ниточке, можно будет разглядеть строительный рынок с его здоровенными яркими плакатами, кафешку с аляповатой вывеской (когда темнеет, на ней загораются лампочки), а уж за ней, в низине, в самой темноте, потому что ночью это шоссе не освещается, их старый дом.

Он стоит у самого шоссе в длинном ряду таких же маленьких, уютных, провожающих машины далеко за город. Соседка — тётя Клава по утрам выносит к дороге вёдра со срезанными цветами и здоровенными розовыми яблоками. Садится рядом на раскладную табуреточку и ждёт, пока кому-то из проезжающих понадобятся цветы или яблоки. Сейчас уже, наверное, к цветам и яблокам добавились грибы из леса: маленькие баночки с солёными, бусы из сушёных и просто срезанные, разложенные на газетке

прямо на земле. Немного: Тётьклава редко ходит по грибы, вот Настя с дедушкой...

Пока он был жив, они пропадали в лесу весь август и половину осени, потому что кому-то всё-таки надо было ходить в школу. Настя без будильника вскакивала поутру, натягивала заготовленный с вечера «энцефалитный костюм», как дед его называл, — просто специальная одежда с защитой от клещей, бежала на кухню. Дед был уже там. Делал им в дорогу бутерброды с огурцом и варёной колбасой и ворчал, что Настя все грибы проспит.

В младших классах она пыталась ставить будильник: на пять, даже на четыре утра... Нет, вставала, вскакивала, одевалась, выбегала на кухню, в надежде, что уж в этот раз она будет первой... Дед так же сидел там, помешивая ложечкой цикорий в чашке, и ворчал, что Настя долго спит. Долго, класса до третьего, она пыталась встать раньше деда, но задача оказалась невыполнимой.

Они наскоро завтракали, дед заводил свой старый мотоцикл, «драндулет», как он его называл, и начиналась жизнь. Не та, где школа, уроки и сериал, потому что делать нечего, а другая, настоящая. Где мчишься на мотоцикле по почти пустому утреннему шоссе, с разгону влетаешь в лес. На лесных ухабах дед только чуть снижает скорость, чтобы близорукая Настя могла разглядеть, где прячутся грибы. У него шуршащая болоньевая куртка, которой, наверное, сто лет. Настя едет, вцепившись в неё, чтобы не свалиться на лесной дороге, и со всех сторон, и от самой

куртки, к ней стекаются волшебные лесные запахи: хвоя, грибы, прелые листья. Дед ворчит: «Плохие грибы в этом году, сами в корзину не прыгают», — Настя смеётся, хотя слышит это в сотысячный раз. Это как пароль. Их пароль. Это значит, что дед заметил грибную поляну, а Настя ещё не видит...

Она бежит глазами, выглядывая из-за дедовой спины, бормочет глупое детское заклинание: «Грибочек-грибочек, айда ко мне в мешочек», — и оно всегда срабатывает, всегда! Настя различает на земле оранжевые шляпки, вопит деду в ухо: «Во-он!» Он ворчит, что оглохнет из-за неё, и это тоже его дежурная шутка-пароль, дед уже плохо слышит. Он тормозит, выдаёт Насте розовый малышачий кузовок, себе берёт здоровенный зелёный, и они бегут наперегонки срезать грибы.

В лесу ещё было почти темно в это время, их полянку освещала только фара драндулета, и та вечно грязная, а дед видел всё. Соседи ворчали, что после них в лес ходить бесполезно, и это было правдой. Насте казалось, что от деда не спрячется ни один грибочек, что у него какое-то специальное грибное зрение или вроде того. Дед утверждал, что чует грибы, как пёс охотничий, Настя смеялась. Касса до пятого смеялась, пока не заметила, что дед и правда как-то замечает их с большого расстояния и почти в темноте. Может, это и было чутьё грибника, о котором пишут в интернете, может, ещё что-то.

Они катались по лесу до самого обеда. Дед не успокаивался, пока не набивал полные кузовки и последний пакетик, завалившийся в бесчисленных карманах его древней куртки. Тогда они садились на поваленное дерево или пеньки, что было, дед доставал приготовленные с утра бутерброды. Они уже успевали слежаться, пропитаться влагой огурца, приобрести тот волшебный вкус «подарка от лисички». Давно, когда Настя была совсем маленькой и дед ещё не брал её за грибами, он приносил ей оставшиеся бутерброды и говорил: «От лисички». Она верила, пока не выросла и не узнала секрет. Но вкус-то не изменился!

Они ели, и дед рассказывал всякое интересное про грибы, лес и по сотому разу пересказывал, как он мелким заблудился в этом лесу, хотя лес был в разы меньше, чем теперь. Заблудился, вышел с другого конца, к железной дороге, да и сел на поезд, решив, что уж он-то до дому довезёт... Настя смеялась, потому что дед смешно рассказывал, жевала лежалый бутерброд и чувствовала, что вот это вот и есть настоящая жизнь. Не та жизнь школьной ботанички с вечно перемазанными ручкой ладонями. Не та, где самая большая опасность получить двойку или очередную колкость от школьных красавиц, ерунда это всё. Лес — это настоящее. Здесь можно пропасть, даже в таком маленьком, можно заблудиться и никогда не выйти, можно даже наткнуться на бешеную лисицу, от бешенства, между прочим, умирают. А можно кататься на верном драндулете пол-

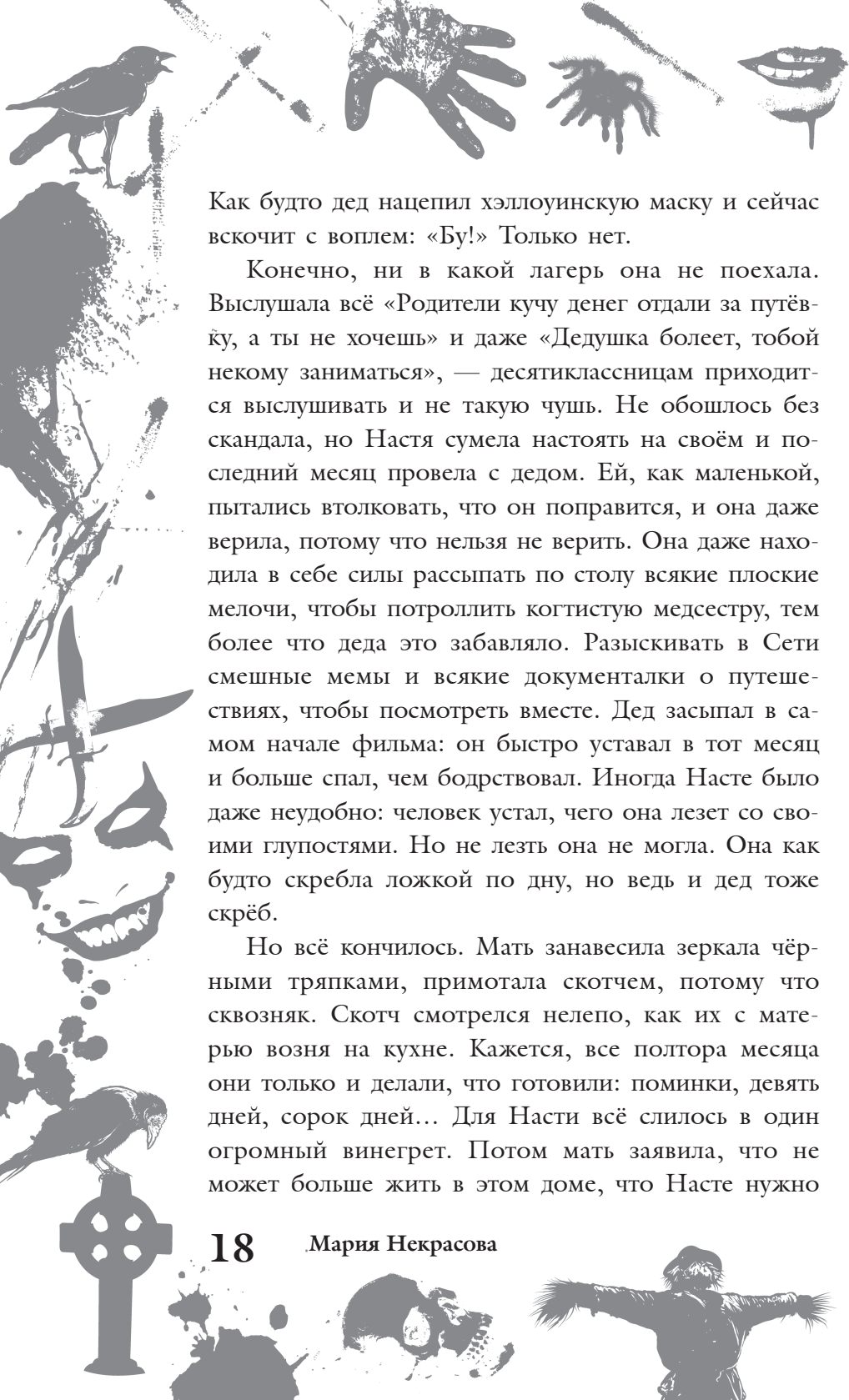

дня, чтобы вернуться домой с полными кузовками грибов.

Настя любила лес. Конечно, благодаря деду. Мать даже ворчала иногда, что дедушка делает из ребёнка лешего или знахарку-травницу, а девочке учиться надо... Но это она всегда так. Просто, чтобы поворчать. Матери нужно ворчать, как Насте нужны дед и лес. Настя всегда хорошо училась, опять-таки благодаря деду. Он объяснял ей дробь на апельсине, откуда-то знал (или сам сочинял?) смешные стихи-запоминалки по русскому и географии, а однажды привязал к скейту взболтанную бутылку газировки, чтобы наглядно показать закон физики. Весь двор залил сладкой водой, и мать опять ворчала. У них даже был тайный язык, долго, до первого класса, пока Настя не пошла в школу и не поняла, что это английский. Рёву было!

Всё кончилось минувшим летом. Крепкий лесной неубиваемый дед сгорел за месяц от какой-то стариковской болячки. Мать хотела отправить Настю в летний лагерь, чтобы она не видела этих раскрашенных медсестер с уколами и длиннющими акриловыми ногтями, которыми непонятно как в носу ковырять, не то что вскрыть ампулу с лекарством. Насте всё время хотелось рассыпать по столу иголки или пластиковые карточки, чтобы посмотреть, как они это собирать будут с такими ногтями. ...Чтобы Настя не видела эту дыбу-капельницу с облупленной краской и это чужое уже лицо с разгладившимися морщинами, но странно ещё более старое от этого.

Как будто дед нацепил хэллоуинскую маску и сейчас вскочит с воплем: «Бу!» Только нет.

Конечно, ни в какой лагерь она не поехала. Выслушала всё «Родители кучу денег отдали за путёвку, а ты не хочешь» и даже «Дедушка болеет, тобой некому заниматься», — десятиклассницам приходится выслушивать и не такую чушь. Не обошлось без скандала, но Настя сумела настоять на своём и последний месяц провела с дедом. Ей, как маленькой, пытались втолковать, что он поправится, и она даже верила, потому что нельзя не верить. Она даже находила в себе силы рассыпать по столу всякие плоские мелочи, чтобы потроллить когтистую медсестру, тем более что деда это забавляло. Разыскивать в Сети смешные мемы и всякие документалки о путешествиях, чтобы посмотреть вместе. Дед засыпал в самом начале фильма: он быстро уставал в тот месяц и больше спал, чем бодрствовал. Иногда Насте было даже неудобно: человек устал, чего она лезет со своими глупостями. Но не лезть она не могла. Она как будто скребла ложкой по дну, но ведь и дед тоже скрёб.

Но всё кончилось. Мать занавесила зеркала чёрными тряпками, примотала скотчем, потому что сквозняк. Скотч смотрелся нелепо, как их с матерью возня на кухне. Кажется, все полтора месяца они только и делали, что готовили: поминки, девять дней, сорок дней... Для Насти всё слилось в один огромный винегрет. Потом мать заявила, что не может больше жить в этом доме, что Насте нужно

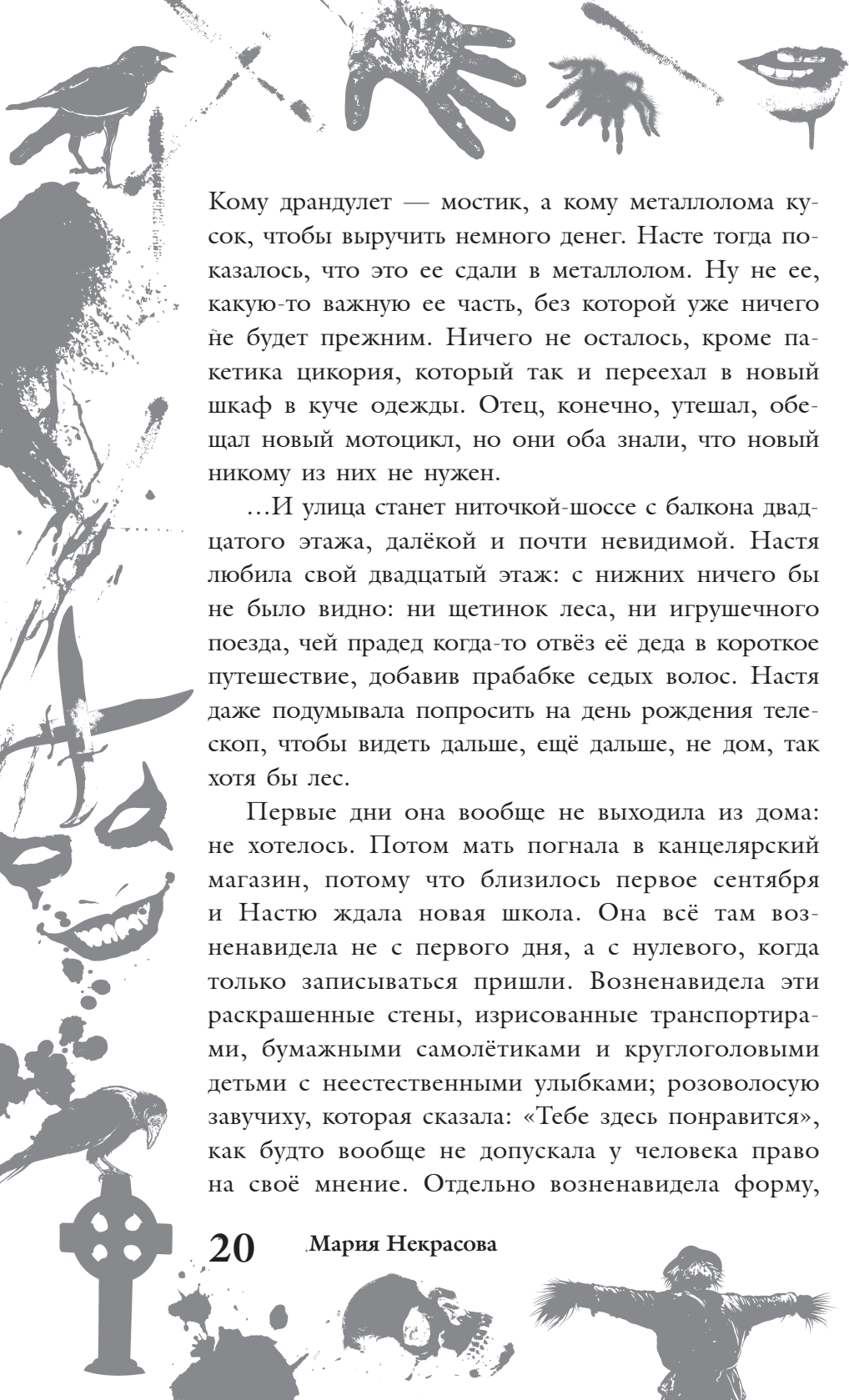

учиться, как будто она не училась, что надо продать дом и переезжать в город. Кажется, тогда Настя и поняла, что деда больше нет. И леса больше не будет. Не будет этих утренних поездок по безлюдной улице на драндулете.

...Самое обидное, что драндулет-то Настя отбила. Мать хотела продавать всё и сразу, чтобы новый дом, новая жизнь. Настя вцепилась и стала вопить, что без драндулета никуда не поедет. Он как припрятанная Настей в шкафу с одеждой пачка цикория, который никто, кроме деда, не пил, он был напоминалкой, висячим разболтанным мостиком между «нету» и «был». Отец встал на Настину сторону, только побоялся, что ей из-за зрения могут не дать права, но у него-то они были. Драндулет поехал с ними в эту жуткую новостройку, подпирающую небо, и даже пережил первую ночь на улице под окнами. Отец с Настей по очереди выбегали на балкон, чтобы посмотреть с двадцатого этажа на эту крошечную блоху в заставленном машинами дворе. Наутро отец выяснил, что место на подземной охраняемой парковке не то что дороже драндулета, а стоит как полквартиры. Поэтому место у драндулета, конечно, будет, но под открытым небом и без всякой охраны. А уже после следующей ночи на улице от мотоцикла осталась только лужица масла на асфальте.

Отец, конечно, орал, валил всё на работяг со стройки, которые вечно ковыряются в помойке в поисках строительного мусора и металлолома. Настя не хотела верить, но, скорее всего, отец был прав.

Кому драндулет — мостик, а кому металлолома кусок, чтобы выручить немного денег. Насте тогда показалось, что это ее сдали в металлолом. Ну не ее, какую-то важную ее часть, без которой уже ничего не будет прежним. Ничего не осталось, кроме пакетика цикория, который так и переехал в новый шкаф в куче одежды. Отец, конечно, утешал, обещал новый мотоцикл, но они оба знали, что новый никому из них не нужен.

...И улица станет ниточкой-шоссе с балкона двадцатого этажа, далёкой и почти невидимой. Настя любила свой двадцатый этаж: с нижних ничего бы не было видно: ни щетинок леса, ни игрушечного поезда, чей прадед когда-то отвёз её деда в короткое путешествие, добавив прабабке седых волос. Настя даже подумывала попросить на день рождения телескоп, чтобы видеть дальше, ещё дальше, не дом, так хотя бы лес.

Первые дни она вообще не выходила из дома: не хотелось. Потом мать погнала в канцелярский магазин, потому что близилось первое сентября и Настю ждала новая школа. Она всё там возненавидела не с первого дня, а с нулевого, когда только записываться пришли. Возненавидела эти раскрашенные стены, изрисованные транспортирами, бумажными самолётиками и круглоголовыми детьми с неестественными улыбками; розоволосую завучиху, которая сказала: «Тебе здесь понравится», как будто вообще не допускала у человека право на своё мнение. Отдельно возненавидела форму,